
АКАДЕМИЯ ЭСТ'ИРН
Неженка
Касандра О'меил

Касандра О'меил

Академия Эст'ирн. Неженка

«Автор»
2026

О'меил К.

Академия Эст'ирн. Неженка / К. О'меил — «Автор», 2026

Сбежать из дома накануне помолвки было легко. Дойти до академии Эст'ирн, где меня никто не достанет, оказалось куда сложнее. Особенно когда каждый встречный считал меня неженкой.Но самое сложное началось потом. Мужчина, с которым я провела ночь в таверне у перевала, стоял передо мной на плацу и делал вид, что видит меня впервые. Профессор Ричард. И, судя по правилам академии, он - мой самый опасный секрет.

© О'меил К., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 2 9
Глава 3 13
Конец ознакомительного фрагмента. 16

Академия Эст'ирн. Неженка

Глава 1

Розмари

Рыцарь в сияющих серебром доспехах опустился перед ней на одно колено прямо посреди бального зала. Музыка стихла, гости замерли, а он, не обращая внимания ни на кого, протянул прекрасной Изольде руку и сказал…

- Леди Розмари, вас ожидают к завтраку, - я со вздохом опустила книгу на колени.

Нэлли стояла в дверях, сложив руки на переднике, и смотрела на меня с той особенной укоризной, на которую способны только служанки, знающие тебя с пеленок.

- Еще одну страницу, - попросила я, умоляюще посмотрев на женщину. - Он как раз признается ей в любви.

- Он признается ей в любви уже третий раз за неделю, миледи. Я сама слышала, как вы читали это вслух.

- Потому что это лучшее место в книге! – с протяжным вздохом отозвалась я.

Нэлли покачала головой, но не ушла. Пришлось подниматься. Я аккуратно заложила страницу шелковой лентой и положила томик на подушку, чтобы вечером сразу же к нему вернуться. Изольда подождет. Изольда всегда дожидается своего рыцаря, это я знала точно.

Утро было удивительно солнечным для начала осени. Свет заливал мою комнату, играл на золотых нитях балдахина и путался в волосах, пока Нэлли заплетала их в косу. Я разглядывала себя в зеркале и в который раз думала, что мама права: румянец мне идет гораздо больше, чем пудра. Новое голубое платье тоже шло. Отец привез ткань из столицы, и портниха шила его целых две недели, пока я капризничала из-за кружева на рукавах.

Я всегда любила подобные неторопливые и теплые дни. Они пахли свежей выпечкой с кухни. И в них словно ничего не могло пойти не так.

- Ваш отец просил после завтрака зайти к нему в кабинет, - сказала Нэлли, закрепляя последнюю шпильку.

- Зачем? – удивилась я.

- Мне не докладывают, миледи.

Я пожала плечами. Отец редко вызывал меня к себе в кабинет. Обычно это означало, что он привез мне новый подарок, который не хотел вручать при всех. В прошлый раз он подарил мне жемчужное ожерелье просто так, без повода. «Потому что моя дочь заслуживает лучшего», - сказал он тогда и поцеловал меня в макушку.

За завтраком мама была непривычно тихой. Она почти не притронулась к еде и все время поглядывала на отца, а он делал вид, что очень занят бумагами, которые принес с собой даже на завтрак. Я рассказывала им про Изольду и ее рыцаря, но, кажется, меня никто не слушал.

- Роза, милая, - мама наконец накрыла мою руку своей. - Ты ведь знаешь, что мы тебя очень любим?

- Конечно, - улыбнулась я. - А что?

Мама не ответила. Только сжала мои пальцы чуть сильнее, чем обычно. И тогда мне впервые стало не по себе. Словно что-то должно было произойти.

В кабинете отца пахло кожей, чернилами и табаком. Огромный стол из темного дерева был завален бумагами, а над камином висел портрет деда, который смотрел на меня так же сурово, как и на всех остальных. В детстве я до ужаса его боялась. Сейчас же мне просто казалось, что он недоволен абсолютно всем на свете.

Отец стоял у окна, сцепив руки за спиной. Он не повернулся, когда я вошла.

- Садись, Розмари. – Я нахмурилась, ведь он назвал меня не «Роза» и не «моя девочка», а Розмари.

Я села в кресло напротив стола и расправила юбку. Под ложечкой неприятно засосало.

- Ты знаешь, что я состою в переписке с советником Его Величества, - начал он, все еще глядя в окно. - Наши семьи давно хотели укрепить связи. Положение при дворе сейчас… непростое. Нам нужны союзники.

- Я не очень понимаю, папа.

Он наконец обернулся. Лицо у него было усталое и какое-то чужое.

- Ты выйдешь замуж за сына советника. Помолвку объявят через неделю, свадьба будет в начале зимы.

Мне показалось, что я ослышалась. Я даже переспросила, глупо и растерянно, как маленькая:

- Что?

- Ты меня хорошо слышала, дочь.

- Но… я его даже не знаю. Я его ни разу не видела! – вспыхнула я, не понимая, как такое вообще может происходить.

- Увидишь на помолвке. Он достойный молодой человек из хорошей семьи. Ты ни в чем не будешь нуждаться.

Слова отца эхом разносились по моим мыслям. Достойный молодой человек из хорошей семьи. Так говорят о лошади, которую собираются купить. Или продать... Я смотрела на невозмутимого отца и пыталась найти в его лице хоть что-то от того человека, который дарил мне жемчуг просто так, потому что я самая лучшая.

- Нет, - сказала я. Слово вырвалось само. Отец приподнял бровь.

- Прошу прощения?

- Нет, - повторила я тверже и поднялась с кресла. Руки дрожали, и я сжала их в кулаки. - Я не выйду за человека, которого не знаю. Я выйду замуж только по любви.

- По любви, - медленно повторил отец, и в его голосе впервые прозвучала насмешка. - Это твои книжки тебя такому научили?

- Это вы меня такому научили! Вы с мамой. Вы всегда говорили, что я заслуживаю самого лучшего.

- Именно поэтому я и выбрал для тебя лучшую партию в империи.

- Вы выбрали лучшую партию для себя!

Я поняла, что сказала, только когда увидела, как изменилось его лицо. Но остановиться уже не могла. Все, что поднималось внутри с самого завтрака, выплеснулось наружу.

- Вам нужно место при дворе, а я просто… монета, которой за него платят! Я не вещь, папа! Я не выйду за него. Ни через неделю, ни зимой, никогда!

Звук пощечины оказался неожиданно громким.

Я даже не сразу поняла, что произошло. Просто голова вдруг мотнулась в сторону, щеку обожгло, а в ушах зазвенело. Я стояла, прижимая ладонь к лицу, и смотрела на отца. А он смотрел на свою руку так, будто она принадлежала кому-то другому. За девятнадцать лет он ни разу не поднял на меня руку. Ни разу даже не повысил голос по-настоящему.

- Розмари… - начал он хрипло. Но я уже выбежала из кабинета.

Я не плакала ни в коридоре, где мимо меня испуганно прошмыгнула горничная. И даже когда закрыла за собой дверь своей комнаты и повернула ключ. Я села на кровать, прямо на подушку с книгой об Изольде, и долго смотрела в одну точку. Щека горела. Нэлли, наверное, сказала бы, что нужно приложить что-нибудь холодное. Но Нэлли рядом не было, а звать ее мне совсем не хотелось.

- Роза, это я. Открой, пожалуйста, – тихо попросила мама, постучав в дверь. Она пришла ко мне ближе к вечеру.

Я открыла. Мама вошла, посмотрела на мою щеку, в ее глазах блеснули слезы. Она осторожно коснулась покрасневшей кожи кончиками пальцев.

- Он очень жалеет, - сказала она. - Правда. Он сам не свой с утра.

- Тогда пусть отменит помолвку, - грустно отозвалась я.

Мама вздохнула и усадила меня рядом с собой на кровать. Она гладила меня по волосам, как в детстве, когда мне снились кошмары, и я на мгновение почти поверила, что сейчас все снова станет хорошо.

- Знаешь, - тихо сказала она, - когда меня выдавали за твоего отца, я тоже его не знала. Видела один раз, на балу, издалека. Он показался мне таким суровым… Я проплакала всю ночь перед свадьбой.

Я подняла голову.

- И что?

- И я полюбила его, - мама улыбнулась той мягкой улыбкой, от которой у отца всегда разглаживались морщины на лбу. - Не сразу. Через год, может, через два. Но полюбила. И ни разу не пожалела. Любовь не всегда приходит первой, милая. Иногда она приходит потом.

Я смотрела на нее и понимала: она не поможет. Она искренне верит, что так будет лучше. Что у меня все сложится так же, как у нее. Что однажды я проснусь рядом с незнакомцем и вдруг пойму, что люблю его.

А я не хотела «потом». Я хотела, чтобы рыцарь опустился на одно колено посреди бального зала. Желала, чтобы у меня дрожали руки не от страха, а от счастья. И, самое важное, чтобы я выбрала сама.

- Хорошо, мама, - сказала я глухо.

Она поцеловала меня в лоб и ушла, тихо притворив за собой дверь. А я еще долго сидела в темноте и слушала, как в доме затихают шаги.

Об академии Эст'ирн мне когда-то рассказывал старый садовник. Я тогда была совсем маленькой и любила сидеть рядом с ним, пока он подрезал розы. Он говорил, что где-то далеко на севере, на хребте Драконьих гор, стоит крепость, куда не может войти ни один король. Туда принимают всякого, кто сможет дойти сам, будь он нищий или принц. И что ни одна сила в империи не может забрать оттуда студента против его воли.

- Даже император? - спрашивала я тогда. Ведь все в империи знали, что ему никто не смеет перечить.

- Даже император, маленькая госпожа, - смеялся садовник. - Горы старше любых императоров.

Я давно забыла эти истории. А сегодня, сидя в темноте с горящей щекой, вспомнила их так ясно, будто слышала вчера. Место, где меня никто не сможет заставить выйти замуж. Где никто не продаст меня за влияние при дворе.

Я поднялась так резко, что книга соскользнула с подушки и упала на пол. Решение пришло неожиданно, и не было ни единого сомнения. Если бы я начала думать, то, наверное, испугалась бы. Поэтому я просто не думала ни о чем.

Дорожный сундук был слишком большим и тяжелым. Шкатулку с украшениями тоже нельзя было брать целиком, мне бы ее и до ворот не донести. Я высыпала на кровать кольца, серьги, браслеты и долго смотрела на них, пытаясь понять, что из этого дороже. Отец всегда сам выбирал мне подарки, и я никогда не интересовалась ценой. Глупо. Теперь бы пригодилось.

В итоге я взяла кошель с золотыми монетами, которые мне давали на ярмарку, и пару сережек с драгоценными камнями, подаренные мамой на совершеннолетие. Посмотрела на жемчужное ожерелье, уже было потянулась к нему, но резко убрала руку. Не могу. Нет, не так. Я не хочу. Мне не нужно то «самое лучшее», что приготовил для меня отец.

С одеждой оказалось сложнее. Все мои платья были либо слишком нарядными, либо зашнуровывались на спине, а звать Нэлли я не собиралась. В глубине гардероба нашлось старое дорожное платье темно-синего цвета, в котором я ездила к тетке прошлой весной. Простое, с пуговицами спереди. Я влезла в него, путаясь в рукавах, и накинула сверху серый шерстяной плащ.

Взглянула на расставленную по порядку обувь. Мои туфли совершенно не годились для дороги, но других у меня не было. Я выбрала пару на самом низком каблуке и решила, что как-нибудь справлюсь.

Напоследок я подняла с пола книгу. Изольда так и не дождалась своего признания, рыцарь все еще стоял на одном колене посреди зала. Здравый смысл подсказывал, что книга в дороге мне не нужна. Но я сунула ее в узелок, между запасной сорочкой и гребнем. Пусть хоть у кого-то из нас будет счастливый конец.

В доме стояла тишина. Все давно легли спать. Я шла по коридору, прижимаясь к стене и замирая при каждом скрипе половиц. Мне казалось, что сердце стучит так громко, что его слышат даже в конюшне. Мимо отцовского кабинета я проскользнула, затаив дыхание. Под дверью еще горел свет.

На секунду я остановилась. Можно было постучать. Можно было зайти и сказать… что? Что я прощаю его? Что согласна? Щека заныла, напоминая о произошедшем утром, и я, крепче сжав кулаки, пошла дальше.

Кухня встретила меня запахом остывшего хлеба и тихим потрескиванием углей. Черный ход был заперт на засов, тяжелый и тугой. Я тянула его двумя руками, ломая ногти, пока он с противным скрежетом не поддался. В тишине этот звук показался оглушительным. Я замерла, прислушиваясь, но дом все так же молчал.

Дверь отворилась, и в лицо ударил холодный ночной воздух. Я шагнула за порог.

Задний двор с огородиком, за ним калитка в каменной ограде. Я сотни раз бегала здесь в детстве, но ночью все показалось таким чужим и незнакомым. Где-то залаяла собака, и я, подхватив юбки, быстрее побежала к калитке. Туфли скользили по мокрой от росы траве. Один раз я чуть не упала, взмахнула руками, но удержалась. Калитка с тихим скрипом отворилась, за ней начиналась дорога.

Только оказавшись по ту сторону ограды, я остановилась, чтобы перевести дух. Обернулась. Дом казался таким темным и тихим. Только в одном окне, в кабинете отца, все еще горел свет.

Он не знал. Да никто в этом доме не знал, что на самом деле сейчас происходило. Завтра утром Нэлли постучит в мою дверь, чтобы позвать к завтраку, и никто ей не ответит. К горлу подкатил ком, и я сердито вытерла глаза рукавом. Нет, нет, не сейчас. Плакать я буду потом, когда доберусь.

Я повернулась к дороге и сделала первый шаг, потом второй, а на третьем остановилась. Дорога уходила в темноту и разветвлялась у огромного старого валуна. Налево она уходила к городу. Направо, к лесу. Прямо же была река, на которую мы иногда выбирались на пикник. А на север… Где вообще был север?

Я стояла посреди ночной дороги в туфлях на каблуке, с узелком, в котором лежали гребень, сорочка и книга о любви, и впервые понимала, что не имею ни малейшего понятия, куда мне идти. Вот же…!

Я подняла голову к небу и посмотрела на звезды. В книгах герои всегда находили дорогу по звездам. Изольда бы точно знала, какая из них указывает на север. А я не знала. Но сдаваться не собиралась! Я гордо подняла подбородок, поудобнее перехватила узелок и решительно свернула направо. Там, по крайней мере, были горы. Где-то там они точно должны были быть. Наверное.

А далеко позади, в доме, который я покидала, наконец погас свет.

Глава 2

На рассвете я встретила старика с телегой, полной овощей. Он хмуро осмотрел меня из-под своих косматых бровей. Похоже, его удивил мой внешний вид.

- Далеко ты на таких каблуках не уйдешь, деточка, - покачал старик головой. – Куда путь-то держишь? Может, подвезти?

- На север, - поджав губы, проговорила я. Мужчина удивленно поднял брови.

- Так он в другой стороне, - хмыкнул он, указав рукой куда-то себе за спину. – А впереди лес да болото.

- Спасибо, - с легким поклоном отозвалась я, чем еще больше удивила старика.

Новая информация совсем не радовала. Я потратила долгие часы впустую, теперь нужно было разворачиваться и идти обратно, мимо того самого валуна. Хорошо, что о моем позоре никто не знал, кроме самой меня. Побег начался совсем не так, как я планировала, но сдаваться я не собиралась.

К полудню ноги начали ныть, а к вечеру я поняла, какой большой ошибкой были эти туфли. Каждый шаг давался с болью. И это при том, насколько я любила танцевать на балах. Каблуки проваливались между дорожных камней, отчего я подворачивала ноги, тонкая подошва позволяла ощутить все прелести проселочной дороги. На пятках уже появились мокрые мозоли, к которым неприятно липли чулки. Но я продолжала идти. Остановиться означало, что я сдалась и пора возвращаться. А возвращаться мне было категорически нельзя.

Первую ночь вне дома я провела у старого раскидистого дуба на краю поляны. Это место показалось мне безопасным и теплым, но после полуночи пошел проливной дождь. Листья совершенно не спасали от крупных капель. Я сидела, прижав колени к груди и закутавшись в мокрый плащ. Где-то в темноте слышалось жуткое «У-у-ух» совы. Будь я дома, Нэлли бы уже принесла мне горячего молока с медом. Там у меня была теплая и сухая кровать, подушки и одеяло на гусином пуху.

А еще дома меня собирались продать за укрепление позиций при дворе.

Я шмыгнула носом, вытерла его мокрым рукавом. Хотелось расплакаться от своей непростой судьбы, но это бы точно мне не помогло. Я отогнала грустные мысли подальше, решив, что вдоволь наплачусь, когда доберусь до Академии. Проступившие слезы смыло дождевой водой, а я прислонилась спиной к дереву и попыталась подремать.

Проснулась я насквозь продрогшей, с затекшей шеей и полными воды туфлями. Тогда я впервые задумалась о возвращении. Солнце только поднималось от горизонта, туман стелился мягким покрывалом по земле, а где-то вдалеке виднелась крыша нашего поместья. Всего полдня пути… И я бы могла принять горячую ванну, переодеться в сухое платье и полакомиться ароматным обедом. Мама бы плакала и обнимала меня, а отец порадовался возвращению блудной дочери. Возможно, они бы даже передумали отдавать меня замуж.

А может, и нет. В голове раздался звук пощечины. Вспомнила удивленный взгляд отца на собственную руку, как мама гладила меня по голове, оправдывая свое решение. Они не поймут меня. Им не знакомы те чувства, о которых мечтает мое сердце. Я поднялась, отряхнула платье и пошла на север.

В небольшой городок под названием Вильмор я добралась спустя три дня пути. Денег, которые я взяла с собой, оказалось до ужаса мало. Комната на постоялом дворе стоила две золотые монеты за ночь, а горячий ужин и того дороже. Пришлось идти к ювелиру, чья лавка была на соседней улице. Высокий и худощавый хозяин покрутил мамины серьги в пальцах, поцокал языком и назвал цену.

- Это смешно, - сказала я, вздернув подбородок. - Эти камни стоят в пять раз дороже!

- Может, и стоят, - пожал плечами ювелир, кладя серьги обратно на прилавок. - В столице. А здесь, дамочка, никто не спросит, откуда у девицы в грязном плаще такие серьги. Если вы, конечно, понимаете, о чем я.

И до меня дошло. Лицо заалело от стыда, словно меня ударили сразу по обеим щекам. Он решил, что я воровка! Первым порывом было развернуться и гордо уйти, вот только… гордостью не заплатить за ночлег.

- Вдвое больше, - сказала я, сжимая пальцами край прилавка, чтобы скрыть дрожь в руках. - И ни монетой меньше. Или я пойду в соседнюю лавку, видела ее вывеску через улицу.

Никакого соседа через улицу я не видела. Но ювелир, кажется, тоже не был в этом уверен. Мы торговались еще долго, и в конце концов я вышла из лавки с тяжелым кошелем и чувством, словно меня все-таки обокрали. Пусть и чуть меньше, чем могли бы.

На часть денег я купила грубые дорожные ботинки. Они натирали не меньше туфлей, но хотя бы каблук больше не проваливался в землю. Свои туфли я оставила на пороге лавки, решив, что они могут кому-нибудь пригодиться.

Хозяйка постоялого двора, пышная женщина с добрыми глазами, налила мне похлебки и спросила, как меня зовут.

- Роз… - начала я и осеклась. Можно было сразу представиться Розмари, дочерью герцога Дэйнир, девушкой, которую, возможно, уже ищут по всем дорогам.

- Мари, - назвалась я. - Меня зовут Мари.

Имя показалось чужим и непривычным, как новые ботинки. Но хозяйка просто кивнула и подлила мне еще похлебки. А я сидела над тарелкой и думала, что Розы больше не было. По крайней мере, пока.

Следующие дни слились в один. Пыльная дорога и дешевые трактиры, где на меня косились подвыпившие мужчины. Еще была попутная телега, на которой мне разрешили проехать добрую часть пути всего за одну медную монету. Ночевка в стогу сена была настоящим испытанием, после которого я еще неделю вытряхивала солому из волос. Дождь сменялся солнцем, солнце снова дождем, и в такие дни мне особенно хотелось повернуть домой.

Однажды на дороге мне встретился отряд всадников в черно-синих плащах, и я, не раздумывая, нырнула в придорожную канаву. Лежала там, уткнувшись лицом в мокрую траву, пока стук копыт не затих. Цвета наемников были не из нашего герцогства, отец никогда не носил синий, но я еще долго не могла заставить себя подняться. Ведь меня вполне могли искать…

На девятый день мои стертые в кровь ноги совершенно отказывались слушаться. Я присела у колодца в маленькой деревеньке, чтобы перемотать ногу лоскутом ткани, оторванным от нижней юбки. Мимо проходила молодая женщина с прелестной девочкой на руках. Они чему-то смеялись, малышка обнимала мать за шею. В этот момент мне вдруг стало так горько и одиноко, что захотелось завыть волком.

Я была совершенно одна в своем путешествии. Дома меня ждали и любили, а там, впереди, была лишь неизвестность. В памяти возникли теплые объятия матери, но я лишь мотнула головой, отгоняя воспоминания. Если я вернусь, то это будет навсегда. Второго побега родители точно не допустят.

Горы появились на двенадцатый день. Сначала я приняла их за белые облака, плывущие далеко над самым горизонтом. И только когда облака так и не сдвинулись с места, я поняла, что это был снег на вершинах Драконьих гор.

Я стояла посреди дороги и смотрела на них, а внутри разливалось теплое и щекочущее облегчение. Они существовали. Значит, старый садовник не врал мне. Где-то там, на самом высоком хребте, стояла академия, в которую не посмел бы войти ни один король.

Дороги в предгорьях стали уже и круче. Деревни попадались все реже, а потом и вовсе пропали. Тропа петляла между скал, поросших мхом и низким кривым кустарником, и ветер

здесь был другим – холодным, пронизывающим до самых костей и пахнущим снегом. Мой плащ, казавшийся дома теплым, продувался насквозь.

На третий день подъема я поскользнулась на мокром камне и неудачно упала прямо на колени в лужу грязи. Ладони ободрала до крови, юбка порвалась, а узелок отлетел в сторону и раскрылся. Гребень, сорочка и книга про Изольду рассыпались по тропе.

Я сидела в грязи, смотрела на свои руки и думала, что сейчас все-таки заплачу. По-настоящему, в голос, как в детстве. Потому что я до ужаса устала и у меня болело все, что вообще может болеть. А еще я понятия не имела, сколько предстояло идти, а еда закончилась вчера в обед. Но потом я услышала стук копыт.

Всадник неспешно выехал из-за поворота. Под ним был крупный гнедой конь. Силуэт мужчины скрывал темный дорожный плащ, но капюшон был откинут на плечи. Я успела заметить короткие каштановые волосы и широкие плечи, а потом он остановил коня прямо надо мной и посмотрел сверху вниз.

Хмурые брови сведены к переносице, губы сжаты в тонкую линию, будто он был недоволен всем этим миром. А еще он был до неприличия красивым. Резкие черты лица, прямой нос и внимательный взгляд серых глаз. Он осмотрел меня, медленно переходя от грязной юбки к разбитым ладоням, а затем к книге, лежащей обложкой вверх в ближайшей луже.

- Заблудилась? - спросил он. Голос у него оказался низкий, с легкой хрипотцой. Он смотрел прямо мне в лицо, рассматривая.

- Нет, - я поднялась, стараясь не морщиться от боли в коленях, и выпрямила спину. Мама всегда говорила, что леди узнают по осанке. Даже если леди по уши в грязи. - Я иду в Эст'ирн.

Он моргнул. А потом заливисто рассмеялся.

Смех у него был совсем не таким, как я ожидала. Он был теплым и искренним, какой бывает у добрых и открытых людей. Улыбка разом стерла с него всю суровость, и на секунду он показался мне почти мальчишкой. Я даже растерялась. А потом поняла, что смеются надо мной, и вспыхнула.

- Что смешного? – буркнула я.

- В Эст'ирн, - повторил он, все еще улыбаясь. Он спешился, подобрал из лужи мою книгу и, прищурившись, прочитал название на обложке. - «Рыцарь и Изольда». Серьезно?

- Отдайте! – я выхватила книгу у него из рук. Она была промокшей насквозь, а страницы слипшимися. Похоже, в этот раз Изольда не дождется своего признания.

- Послушай, - сказал всадник, и улыбка исчезла с его лица так же быстро, как появилась. Теперь он снова смотрел хмуро. - Не знаю, от чего ты бежишь, и знать не хочу. Но в Эст'ирн не ходят с книжками про рыцарей. Туда ползут, срывая ногти о камни. Перевал впереди убивает каждый год по десятку крепких мужиков, а ты… - он снова окинул меня взглядом, от растрепанной косы до порванного подола. - Ты же неженка. Тебе там нечего делать. Возвращайся домой, пока не замерзла где-нибудь под скалой.

Неженка. Слово ударило сильнее, чем отцовская ладонь. Может быть, потому что это была правда. Я и была неженкой. Изнеженной, избалованной дочкой герцога, которая до этой осени ни разу в жизни не шнуровала сама себе платье. Но этот хмурый незнакомец об этом знать не мог.

- Благодарю за совет, - сказала я самым ледяным тоном, на какой была способна. Тем самым, которым мама разговаривала с надоедливыми гостями. - Но я в нем не нуждаюсь.

Я подняла с земли гребень и сорочку, завязала узелок и, повернувшись к всаднику спиной, пошла вверх по тропе. Колени отдавали болью с каждым шагом, ладони саднило, а в ботинке хлюпала грязная вода. Но я шла ровно, с прямой спиной и гордо поднятым подбородком.

За спиной долго было тихо. А потом раздался стук копыт, и всадник проехал мимо меня шагом. Не взглянул и не сказал ни слова. Только чуть придержал коня, поравнявшись со мной,

и я на мгновение почувствовала на себе его взгляд. А потом он пустил коня рысью и скрылся за поворотом.

Я дошла до следующего поворота, убедилась, что его нигде не видно, села на камень и разревелась.

Постоялый двор я увидела, когда уже начинало темнеть. Низкий, приземистый домик был сложен из серого камня, казалось, он врос прямо в скалу. Над дверью висел фонарь, а из трубы валил дым. Оттуда пахло жареным мясом так, что у меня закружилась голова.

Внутри оказалось тепло, но при этом шумно и тесно. За длинными столами сидели наемники и охотники, а еще торговцы, чьи обозы я заметила на улице. Кто-то смеялся, кто-то стучал кружкой по столу, требуя еще эля. Я протиснулась к стойке, стараясь ни на кого не смотреть, и попросила у хозяина комнату и ужин.

- Комнату дам, - кивнул тот, оценивающе глянув на мои ободранные руки. - Последняя. Повезло тебе, девица. Завтра на перевал?

- Да, - кивнула я, ожидая очередную порцию насмешек.

- Ну-ну, - только и сказал он, протягивая мне миску с похлебкой.

Я огляделась в поисках свободного места и замерла. В самом дальнем углу, у камина, сидел он. Тот самый хмурый всадник. Плащ он бросил на скамью рядом, перед ним стояла кружка. Он смотрел в огонь так, будто тот тоже его чем-то оскорбил. А потом, словно почувствовав мой взгляд, он поднял голову и посмотрел прямо на меня.

Глава 3

Рик

За поворотом я придержал коня и зачем-то обернулся. Незнакомку отсюда видно не было, только серые скалы да кривые сосны, вцепившиеся корнями в камень. Конь недовольно фыркнул, мотнул головой, и я послушно тронул его дальше, мысленно обозвав себя идиотом.

Девчонка оскорбилась, хотя в чем я, собственно, не прав? Она сидела в грязи посреди горной тропы в платье, которое стоило больше, чем вся ее обувь, с ободранными ладонями и книжкой про рыцарей. Такие не доходят до Эст'ирна. Они разворачиваются на первом же перевале, плачут, проклиная горы, и возвращаются к маменьке и дому, где их ждут перины и горячий обед. И правильно делают. Каждую весну, когда сходит снег, на тропах находят тела тех, кто не развернулся.

Я видел, как дрожали ее губы, как блестели глаза, но она не заплакала, поднялась, выпрямила спину так, будто стояла не в луже, а в бальном зале, и посмотрела на меня сверху вниз. Это при том, что я гораздо выше нее. Признаться, такого со мной давно не случалось.

А еще у нее были невозможные глаза. Ярко-зеленые, как молодая листва после дождя, и злые, как у разбуженной кошки. Я поймал себя на том, что улыбаюсь, и тут же нахмурился. Не мое это дело. Пусть идет куда хочет, хоть в Эст'ирн, хоть обратно. У меня своих забот хватало. Например, моя прекрасная семья.

В столице я пробыл почти месяц, и это был самый длинный месяц за последние годы. Отец вызвал меня письмом, коротким и сухим, как и все, что он когда-либо делал: «Твой брат обручается. Твое присутствие обязательно». Не «мы будем рады тебя видеть» и даже не «приезжай, если сможешь». Обязательно. Будто я все еще был мальчишкой, которого можно отчитать за порванный камзол.

Я мог бы не ехать. Академия не отпускает преподавателей посреди осени, и ректор с радостью подписал бы мне отказ. Но Жан все-таки был моим единственным братом. И где-то очень глубоко, там, куда я старался не заглядывать, мне хотелось, чтобы хоть раз в жизни отец посмотрел на нас обоих одинаково.

Дом встретил меня так же, как и всегда, холодными мраморными полами, слугами, которые не поднимали глаз, и запахом воска от бесчисленных свечей. Отец принял меня в кабинете, даже не потрудившись подняться из-за стола. Седины у него прибавилось, а взгляд остался прежним, тяжелым и оценивающим, словно он прикидывал, сколько я стою и не продешевил ли он, когда позволил мне уйти.

- Ты похудел, - сказал он вместо приветствия.

- А ты постарел, - ответил я, и на этом обмен любезностями закончился.

Жан, напротив, мне обрадовался. Он всегда был эмоциональным, этого у него не отнять. Обнял, хлопнул по плечу, потащил показывать новых лошадей. Он говорил без умолку о дворе, об императоре, о том, что ему пообещали место в совете, когда отец отойдет от дел. Я слушал, кивал и думал, что брат совсем не изменился.

Красивый, легкий, обаятельный и уверенный, что весь мир создан исключительно для его удобства. Впрочем, так оно и было. Мир, по крайней мере наш, действительно был создан для Жана. Он был идеальным наследником, гордостью семьи и смог стать правой рукой отца. Все то, что должен был получить я, если бы в шестнадцать лет не ушел в горы. Вот только дед готовил меня к этому с самого детства. Он учил держать меч, читать небо над перевалами и слушать ту слабую искру дара, которую отец считал бесполезной. Дед верил, что мое место в Эст'ирне, так же, как когда-то было его. Отец этого так и не простил ни ему, ни мне.

- Она красавица, - сообщил мне Жан в первый же вечер, развалившись в кресле с бокалом вина. - Говорят, первая красавица на всем юге. Дочь герцога Дэйнир, представляешь? Отец полгода вел переписку, чтобы ее семья согласилась.

- И как она тебе? - спросил я, поддерживая разговор.

- Понятия не имею, - легко пожал плечами брат. - Видел только портрет. Хочешь взглянуть?

Он полез во внутренний карман за миниатюрой, но я покачал головой.

- Не мне на ней жениться.

- И то верно, - рассмеялся Жан. - Тебе вообще ни на ком не жениться, монах ты горный.

Я не стал его разубеждать. Пусть думает, что хочет. А через неделю, за два дня до объявления помолвки, пришло письмо от герцога.

Я как раз спускался к завтраку, когда услышал, как в кабинете отца что-то с грохотом упало. Потом раздался его голос, тихий и страшный, каким он никогда не кричал, а только говорил. Я знал этот голос с детства. Им же отец сообщил мне, что у него больше нет старшего сына.

Когда я вошел, на полу лежала опрокинутая чернильница, а по ковру медленно расползалось темное пятно. Жан стоял у окна, бледный, с поджатыми губами. Отец сидел за столом и смотрел на письмо так, будто планировал сжечь его взглядом.

- Что случилось? - спросил я.

- Невеста твоего брата, - процедил отец, - изволила сбежать.

- Как сбежать? – переспросил я, не сразу поняв сказанное.

- Ногами, надо полагать, - отец швырнул письмо на стол. – Ночью через черный ход. Никто ничего не видел, никто ничего не знает. Герцог приносит глубочайшие извинения и заверяет, что дочь будет найдена в кратчайшие сроки. Глубочайшие извинения! Половина двора уже знает о помолвке. Через два дня мы должны были объявить обо всем официально.

- Она просто испугалась. Девица, что с нее взять. Посидит у какой-нибудь тетки в поместье, поплачет и вернется. – Жан попытался успокоить и отца, и себя.

- А может, ей просто не хотелось за тебя замуж, - сказал я раньше, чем успел подумать.

В кабинете стало очень тихо. Жан обернулся и посмотрел на меня так, словно я его ударил. А отец медленно поднял голову.

- Тебе смешно? - спросил он.

- Нет, - честно ответил я. - Мне ее жаль.

- Жаль, - повторил отец. - Тебе, значит, жаль девицу, которая опозорила две семьи. Что ж, неудивительно. Ты у нас тоже умеешь сбегать, когда тебе что-то не по нраву. Видимо, это теперь модно среди молодежи.

Я промолчал. Спорить с отцом было так же бесполезно, как спорить со скалой. Лишь устанешь, разобьешь кулаки, а бездушный камень этого даже не заметит. Отец еще долго говорил о чести семьи, о советнике, о том, как герцог будет теперь заглаживать вину, и о том, что девушку все равно найдут, вернут и выдадут замуж, потому что слово дано. Жан молча стоял у окна. А я думал о незнакомке, которая ночью, в одиночку, вышла через черный ход в никуда. Глупо и безрассудно. Но при этом еще и очень смело.

- Она не могла уйти далеко, - сказал наконец Жан. - Ты же знаешь эти места, Рик. Если она направится в горы…

- То умрет на первом же перевале, - отрезал я. Тогда я в это искренне верил. - Изнеженная герцогская дочка до Эст'ирна не дойдет. Даже если очень захочет.

Уехал я на следующий же день, не дожидаясь, пока отец придумает, как обвинить в побеге невесты лично меня. Жан проводил меня до ворот. Он уже оправился, снова улыбался и говорил, что это даже к лучшему, теперь будет что рассказать внукам. Я обнял его на прощание, вскочил в седло и впервые за месяц вдохнул полной грудью. Впереди были две недели

дороги в суровых горах и академия. Единственное место, где меня ценили не за фамилию, а за то, что я умею.

И вот теперь, на последнем отрезке пути, мне встретилась эта девчонка.

Постоялый двор у перевала держал старый Борн, бывший наемник с перебитым носом и золотым сердцем, которое он старательно скрывал за ворчанием. Он кивнул мне от стойки и без вопросов поставил на стол кружку темного эля и миску жаркого. Я сел в свой угол у камина, вытянул ноги к огню и наконец-то позволил себе расслабиться. Завтра к вечеру я уже буду в академии, как раз к началу занятий. Меня ждут ленивые первокурсники и вечное нытье магистров. Я почти соскучился.

В зале было людно. Торговцы шумно обсуждали товары, пара охотников играла в кости, а за длинным столом у стены гуляла компания наемников. Человек пять, крепкие и уже порядком набравшиеся. Они горланили песню про вдову мельника, сбиваясь на каждом куплете, и Борн то и дело бросал на них мрачные взгляды.

Я смотрел в огонь и думал о том, дошла ли та девушка или свернула обратно. А может быть, она сидит сейчас где-нибудь под скалой, мокрая и замерзшая, и плачет над своей книжкой. Мысль оказалась неприятной, и я сделал большой глоток эля, чтобы ее прогнать. Не помогло. А потом дверь открылась, и в зал вместе с порывом холодного ветра вошла она.

Грязная, растрепанная, в порванной юбке и с узелком в руках. Губы посинели от холода, на щеке темнела полоса засохшей грязи. Но шла она так важно, будто под ногами у нее был не заплеванный пол таверны, а ковровая дорожка, и все собравшиеся здесь были ее подданными. Я едва не рассмеялся второй раз за день. Дошла, надо же.

Она взяла у Борна похлебку и обернулась, выискивая свободное место. И замерла, увидев меня. Я не отвел взгляда, хотя, наверное, следовало бы. Несколько ударов сердца мы просто смотрели друг на друга через весь зал. Потом она вздернула подбородок, отвернулась так резко, что коса хлестнула ее по спине, и села за самый дальний от меня стол.

Я усмехнулся в кружку и принялся наблюдать. Не потому, что мне было интересно, просто больше заняться было нечем.

Ела она аккуратно, маленькими глотками, не сутулясь. В придорожных трактирах такое редко увидишь. Ложку держала так изящно, словно перед ней стоял фарфор, а не щербатая глиняная миска. Пару раз она поднимала руку и касалась волос, будто проверяя, не растрепалась ли прическа. Конечно же, растрепалась давно и безнадежно, но, видимо, привычка была сильнее. Кто ты такая, неженка? Чья-то избалованная дочка, сбежавшая от строгого отца? Или служанка, укравшая у хозяйки платье вместе с манерами? Для служанки у нее были слишком нежные руки, иначе бы она так легко не ободрала их на тропе.

Заметил девчонку не только я. Наемники за столом у стены вдруг перестали петь. Один из них, здоровенный рыжий детина с мокрыми от эля усами, толкнул соседа локтем и кивнул в ее сторону. Сосед, тощий и вертлявый, ухмыльнулся. Я поставил кружку на стол. Рыжий поднялся первым. Подошел к ней вразвалку, оперся ладонями о стол и навис сверху, загородив собой свет.

- Скучаешь, красавица? - спросил он так громко, что его услышали на другом конце зала. - Одна в горах, без провожатого? Нехорошо это. Опасно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.